

Литература

1. Шохин С.О., Воронина Л.И. Бюджетно-финансовый контроль и аудит: теория и практика применения в РФ. М., 1997.
2. Федеральный закон от 14 июня 1995 г. N88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в РФ» (с изменениями от 31.07.98 г., 21.03.02 г., 22.11.04 г.) // Правовая система «Гарант. Платформа F1».
3. Масленников М. Правовое регулирование малого предпринимательства в России // ФПА АКДИ «Экономика и жизнь», выпуск 10, май 2001 г.
4. Кот А.Д. Организация процесса бюджетирования в крупных компаниях / Кот А.Д., Филиппов В.Е., Якименко А.А. // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. - №4.

С.З. ГОНЧАРОВ, Ю.А. КОЛЧИН

СУБЪЕКТНОСТЬ – ЛИЧНОСТНАЯ ОСНОВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Понятие субъекта подобно скромному труженику, на котором держится жизнь, но о котором предпочитают не распространяться в средствах массовой информации. Дело в том, что данному понятию уделено в философии крайне мало внимания по сравнению с его категориальной ролью в философии, этике, эстетике, политологии, правоведению, культурологии, социологии, но, в первую очередь, с его важнейшим жизненным значением.

Ставка на развитие *гражданского общества* предполагает именно *субъектные качества лиц и коллективов*. Люди объединяются ради общего дела двояко – в форме *учреждения или корпорации* (добровольного объединения). В первом случае объединение учреждается «сверху вниз» – государством. Корпорация же образуется «снизу вверх» по свободной воле людей (акционерное общество, кооператив и т.п.) и состоит из активных полномочных и равноправных деятелей. Под гражданским обществом мы понимаем, вслед за А.С. Панариным, «совокупность неполитических отношений (экономических, духовно-нравственных, религиозных, культурных) граждан и их ассоциаций, основанную на принципах самостоятельности, неподопечности и автономии по отношению к государству» [14, с.309]. Гражданское общество есть совокупность *корпораций*, т.е. неполитических объединений, которые сами себя конституируют «снизу», сами ставят и решают задачи. В таком самовоспроизводстве важнейшими являются субъектные качества.

Государство по своей природе призвано исходить из *целого, а не из частей* – из интересов *общих, а не частных*. Оно поддерживает те законные интересы лиц, групп, корпораций, реализация которых идет на *пользу всем*. Если *частный* интерес обоснован и справедлив, то он имеет и *всеобщую*

значимость. Гражданское общество есть, напротив, сфера *частных* интересов – индивидуальных и корпоративных. Самым главным является умение соединять интересы индивидуально-личностные, корпоративные и всеобщие, или выражаясь логически, интересы единичные, особенные и всеобщие. Принцип учреждения, проведенный как самоцель, гасит инициативу и самостоятельность лиц, а один корпоративизм ведет к анархии и потере управляемости. Гражданское общество предполагает по *существу* не только *нормативные акты*, позволяющие развернуть субъектные качества, но и наличие у граждан таких качеств.

Вуз, будучи государственным бюджетным *учреждением*, выступает на рынке образовательных услуг *частично как корпорация*, занятая реальной предпринимательской деятельностью на свой риск и заинтересованная в экономической свободе и правах на собственные внебюджетные доходы. Вопрос о субъектности важен для студентов и для преподавателей. В современных условиях возможности экстенсивного развития вузов исчерпаны. Противоречия вузы могут успешно решать на пути интенсивного развития. *Интенсивный путь* означает личное творчество каждого работника в поиске и реализации новых резервов и стимулов роста, полное развертывание научно-образовательного потенциала коллектива; фундаментализацию и оптимизацию образования, превращение науки в непосредственную продуктивную силу педагогического труда, экономическую эффективность научной деятельности; оптимальную организацию коллективных усилий всех кафедр и иных подразделений; повышение продуктивности профессиональной деятельности в единицу рабочего времени, корпоративную солидарность и ответственность единой команды «студент – педагог – ученый – администратор». Такой путь предполагает развитую субъектность и глубокие межсубъектные отношения, свободные от отчуждения и овещнения.

Традиционное определение субъекта как «носителя сознательной целенаправленной деятельности», вошедшее в словари и энциклопедии, отождествляет субъектность с *социальной дееспособностью* и является *слишком общим*, чтобы стать операционально выполнимым инструментарием. Раб тоже был «носителем сознательной целенаправленной деятельности». Но цели ему задавал господин. Из-за общего определения субъектность часто смешивают с субъективностью. Познание и преобразование внешнего мира тоже не составляет отличительную особенность субъектности. Сама по себе внешнепредметная активность мало чего стоит, так как она может направляться манипуляторами. Подобные определения кажутся бесспорными потому, что они стали привычными. На самом деле они настолько абстрактные, что ничего не дают для типологии лиц и коллективов, для практики управления. Такие определения смазывают существенные различия между личностью, способной к самоопределению и нормотворчеству, самостоятельному выбору новых вариантов действия и общения, и индивидом, который вообще не догадывается о таких качествах и живет по извне навязанным стереотипам, репродуктивно. Необходимость

конкретизации категории субъекта признают современные авторы. Термин «субъект», отмечает Е.В. Сайко, стал одним из наиболее употребительных, и каждый раз значение этого термина не раскрывается в «особой субъектной специфике». То же отмечает В.М. Розин: «под субъектом понимают все что угодно» [16, с.5,30]. Задача данной статьи – конкретизировать субъектность в ее наиболее важных моментах.

Объектный и субъектный принципы в истории философии

В истории философии представлены *объектный и субъектный* принципы истолкования реальности. В первом случае философы исходят из *внешнего* первоначала, с которым они согласовывают научное, ценностное и практическое освоение действительности. Человек при этом вращается вокруг той или иной внешней Инстанции, будь то Космос, Природа, Общество и др. Во втором случае исходным является человеческая субъектность как *основание* для истолкования внешней реальности. До Сократа древние греки, образно выражаясь, молились на звезды (космоцентризм «физиков»). Сократ предложил исходить из достоверности человеческого разума. Начался период *античной классической философии*, ее расцвет. М. Лютер утвердил принцип Сократа в католицизме. От церковного внешнего авторитета он решительно перешел к авторитету личной веры и так вознес субъектность человека, что она стала в центре последующей философии. А. Смит и, особенно Д. Риккардо, в отличие от физиократов источник стоимости товаров видят уже не в *земле*, а в *труде*. Начинается период *классической политической экономии*. Ф. Энгельс с полным основанием назвал Смита «Лютером» политэкономии [17, с.549]. Кант с присущей ему основательностью развивает субъектный принцип (трансцендентальный метод) в своих знаменитых «Критиках», сознательно исходя из свободной *самодетельности* субъекта. Свой метод он сам оценивал как «коперниканский переворот». Начинается период *немецкой классической философии*. «Коперниканский переворот» Канта героически продолжает И.-Г. Фихте в своем «Наукоучении». Гегель универсализирует субъектный принцип как методологический: «Все дело в том, чтобы понять и выразить истинное, не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*» [2, с.1]. Л. Фейербах этот решающий принцип новой философии обосновывает, скорее, эмпирически и называет его антропологическим. Переход Фейербаха к анализу действительности как *человеческой* действительности или к *действительному человеку*, был закономерен. Ибо новый эвристический принцип нельзя уже было плодотворно развивать, оставаясь в рамках одной методологии.

К. Маркс *субъектный принцип* проводит последовательно в философии, политэкономии и политологии. В своей диссертации он излагает принципиальное различие между *объектной философией* Демокрита и *субъектной философией* Эпикура. Главный недостаток предшествующего материализма он видит в том, что «предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*» [11, с.3]. не

субъектно. Категория «бытие-для-себя» выступает у Маркса *логическим фундаментом* понимания субъектности, под которой он подразумевал рефлектированную социальность, устремленную на саму себя. Показательны такие его выражения, как «самоустремленность», «самоизменение», «самостояновление», «самоосуществление» человека. Утверждение об изменении людей внешними обстоятельствами Маркс преобразует в положение о «самоизменении» людей путем практического изменения обстоятельств, в котором человек выступает одновременно и субъектом, и объектом собственного действия; и воспитателем, и воспитуемым; и законодателем, и исполнителем собственных принципов. Неспособность к духовному самоопределению и волевому самоуправлению Маркс считал крайней деградацией, поражающей человека в самой его «творческой основе». Кант выразил тот основополагающий факт, что люди воспринимают реальность в тех формах, в которых они сами ее преобразуют; *абсолютную критериальную функцию опыта* («практики», уточнит Маркс). Маркс выводит этот метод на широкую дорогу истории людей, деятельно воспроизводящих свою социальность, все свои способности и отношения. «Марксова философия практически завершила коперниканский кантовский переворот» [7, с.9]. Диалектика Маркса *производна от субъектного принципа его философии*.

Всякий раз, когда философия развивалась на основе субъектного принципа, она цвела и наполнялась жизненно конкретным и глубоким содержанием. То же можно сказать об этике, эстетике, политологии, юриспруденции и психологии. Объектный принцип, «безлюдная онтология» парализуют интеллектуальную динамику, духовное дерзновение и смелость мысли. За такой позицией скрывается *пассивный субстанциализм*, «отражающий» застывшие в пространстве деятельность, социальные нормы и институты. В советской философии возобладал *объектный* принцип. Работы Г.С. Батищева, Э.В. Ильенкова, К.Н. Любутина, М.К. Мамардашвили, Д.В. Пивоварова и др. были направлены на преодоление этого принципа в понимании субъектности. В упомянутой выше коллективной монографии [16] ее авторы проводят субъектный принцип в осмыслении различных аспектов человека как субъекта.

Логика понимания субъектности

Верному пониманию субъектности мешает механистическая логика «определения извне» (бытие-для-другого): одно определяется другим, а другое – иным другим и так до бесконечности, которую Гегель справедливо назвал «дурной». В социальном плане логика «определения извне» выражает те ситуации, в которых люди низведены до *частичек социальной машины, до объектов манипулирования, до исполнителей извне навязанных стандартов мышления, поведения, потребления*, до «точки действия для другого» (В.С. Библер) со стороны общественных сил. Такие ситуации и порождают выражения «рычаги управления», «хозяйственный механизм» и прочую механику. Подобная социальная детерминация формирует привычку трудиться и жить по извне полученным правилам и нормам, впечатывает в

сознание логику «определения извне», и такая логика превращается в «достоверный», самоочевидный навык мышления, который возводится во всеобщую схему миропонимания. Эту схему, за которой скрываются антигуманные обстоятельства, позитивистский рассудок объявляет единственно научной, а логику самоопределения (диалектику) толкует как «темную гегельянщину». Именно отделение деятельности от самодеятельности, изменение объекта от «самоизменения» субъекта, функций исполнительских от нормотворческих порождает отчужденную практику, ту социальную ситуацию, в которой индивиды производят собственное бытие как чуждое себе «инобытие», как бытие иного против самих себя.

Против такой логики боролись классики философии. «Самопричинность» (*causa sui*) субстанции у Спинозы, «самодеятельность» монад у Лейбница, «самоопределение» и «самополагание» «я» у Канта и Фихте, «для-себя-бытие» у Гегеля, «самоизменение» субъекта у Маркса – эти родственные идеи выражали логику, позволяющую верно понять *самонаправленную социальность*. Ограниченный потенциал логики «действия на другое» побуждает и теоретиков естествознания переосмысливать казавшуюся ранее очевидной саму логическую основу общего воззрения на предмет. В естествознании, математике, пишет В.С. Библер, поставлена под вопрос *«всеобщность»* классического предмета (и субъекта) – «точки действия на другое». В современном мышлении возникает идея радикально нового предмета и субъекта теоретического познания. Это – «идея предмета как «*causa sui*», «идея движения как самодействия, самодеятельности» [1, с.191]. С возрастанием в обществе доли личных свобод и самодеятельности изменяется и методология науки – предмет мыслится в аспекте самодействия, свободного развертывания своих потенций и сил. За методологией науки всегда скрывается тот или иной тип социальности. Стиль научного мышления Нового времени вырос из фабрично-заводских практик, из жестких детерминаций производственных технологий. Любопытно, что в объектной философии Демокрита движение атомов строго детерминировано, а в субъектной философии Эпикура атомы *самопроизвольно* отклоняются от прямой траектории!

Понятие субъектности

Субъективность означает многообразный состав сознания и подсознания; контролируемую сознанием активность людей. Субъектность есть *высший уровень субъективности*. На этом уровне социальность представлена как рефлексированная в себя, т.е. обращенная на себя, самонаправленная, самоустремленная, как знающая саму себя, как «для-себя-бытие», как самопроектируемая и самоконтролируемая, как саму себя усиливающая.

Субъектность есть такая *форма социальная активности, которая характеризует личности и коллективы:*

• со стороны их способности к самоопределению, самодеятельности и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству;

- со стороны реальных полномочий в реализации общественно значимых потребностей, интересов и целей;
- в аспекте реальной власти над природными, психическими и социальными силами.

Такое понимание субъектности дает определенные ориентиры для теории образования, для психологии, права, социологии, политологии: какие качества личности следует воспитывать, как распределены полномочия, собственность и др. между людьми.

Генетически исходным в структуре субъектности является *самоопределение как всеобщая форма* реализации продуктивно-творческих сил – мышления, воображения, воли, веры и др. Оно становится реальным тогда, когда превращается в самоопределение воли – способности человека определять себя к действию согласно ценностям и знаниям. Самоопределение – *генетически исходная основа* субъектности, творчества, умения личности развивать свои способности. *Способности есть усвоенные человеком способы деятельности*, которые фиксируются в теле человека нейрофизиологически, и возникает видимость (*фетишизм тела*), что способности возникают *естественно* из органического тела человека так же, как клевер из чернозема, а не из социального тела – совместной деятельности и общения. Человек может не ограничиваться воспроизводством способов деятельности, а предпочтет их развивать. Тогда он становится творцом. Творчество – это нормальный, не деформированный внешними обстоятельствами (разделение труда и др.) процесс моделирования человеком схем своих внешних проявлений в актах самодеятельности. И талант – это норма в развитии личности, не изуродованной разделением труда в «обрывок» человека. Затухание творчества, редкость талантов – это точный показатель расщепления целостной человеческой деятельности на частичные функции в условиях *объектного* строения реальной жизни, когда субъектные функции монополизируются социальными институтами и атрофируются на уровне личности. В такой ситуации общество предстает ареной взаимодействия различных *анонимных* Инстанций и Факторов – производительных сил, хозяйственного «механизма», цен и прибыли. Люди предстают органами реализации потребностей Инстанций и Факторов. Человек низводится «до тени своей собственной тени» (Э.В. Ильенков). Хотя все подобные анонимные Инстанции и Факторы есть объективации деятельности людей. За противоречием между производительными силами и производственными отношениями всегда скрывается противоречие между людьми. В обществе все, что имеет прочную форму – продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т.д. – является лишь мимолетным моментом общественного производства, «а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды», взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами – их «собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства» [8, с.222].

Самоопределение развивается при определенных условиях в конкретное основание субъектности – в способность к *нормотворчеству*, законодательству. Законодательность здесь понимается не юридически, а философски – как *умение субъекта порождать новое правило, норму, принцип действия и утверждать это новое как положительную ценность в культуре*. Для репродуктивной (исполнительской) деятельности достаточно умения подводить частный случай под общее правило. Способность к нормотворчеству – это культурный феномен. Он возникает тогда, когда субъект признает себя (ибо другие признают его таковым) равноправным представителем коллектива, той или иной социальной общности, возвышается до общественного самосознания и сам дает себе мандат на творчество, полномочие на суверенное конституирование той или иной нормы, того или иного варианта действия, будь то область науки, искусства, предпринимательства, политики и др. *Самоуполномочивание* – это «душа» и самый важный момент новаторства. Оно обязательно возникает тогда, когда субъект проникается общим интересом, рассматривает свой интеллект как равноценную частичку общественного интеллекта, доверяет своей совести и своему разуму как непосредственно общественным и тем самым осознает себя интуитивно равноправным началом («начальником») всего нового и интересного. Поэтому он берет в свои руки без какого-либо психологического дискомфорта функцию нормотворчества, не спрашивая разрешения свыше, у «начальства». Способность к нормотворчеству уходит своими корнями в атмосферу *товарищества* в коллективе и связана, так или иначе, с чувством или осознанием товарищеского равноправия. Это чувство остается в тени, может быть безотчетным, но именно оно подспудно рождает личную сопричастность общему делу, ответственность, воодушевление и смелость в решении проблем. Когда субъект смотрит на проблему глазами коллектива, тогда его духовная сфера наполняется емким общественным содержанием, и он мыслит широко, чуток к перспективным тенденциям в *общем деле*. Атмосфера товарищества одухотворяет – рождает у каждого порыв внести свой вклад в общее дело, утвердить себя в сознании других как личность творческую, «со своей песней». Товарищеское равноправие в общем деле рождает свою *противоположность* – *потребность личности в индивидуализации мастерства, и на этой основе – потребность в общественном признании*.

Субъектность личности как интериоризация законодательных функций социальных институтов

Исторически субъектные качества, как свидетельствует история, оформлялись на *надьиндивидуальном* уровне (община, род) в рамках общих, т.е. общественных законодательных и др. полномочных органов, функции которых со временем закреплялись за узким кругом лиц. Нормотворческая и законодательная функция, отделившись от функции исполнительской, получает конкретное оформление на *институциональном* уровне (государство, церковь, партии) и развивается настолько, что регламентация и громоздкие аппаратные процедуры становятся для нее *оковами*. По мере

демократизации общества и развития личного начала нормотворчество становится достоянием все большей части народа, его самостоятельных организаций. Субъектность *деинституализируется* в той или иной области и превращается в *схему работы самосознания и воли* растущего большинства. Например, в нравственности институциональный контроль вытесняется индивидуально-личностной субъектностью в виде *самооценки, самоконтроля, самоповеления*. В результате нравственность предстает как *неинституциональная императивная саморегуляция поведения*, доступная каждому. Напротив, в условиях античности самостоятельный выбор решения, новой нормы ведения *общего дела* существовал, как правило, обращением за *санкцией на такой выбор к оракулу* и подкреплялся *авторитетом Пифии, повествующей о воле богов*. Даже такие великие люди античности, как Фемистокл, в минуты смертельной опасности для Греции убеждали других в правоте своего выбора, ссылаясь на волю богов. Для самостоятельных решений, замечает Гегель по этому поводу, у греков «еще не было этой мощи и силы воли» [3, с.239].

Развитие субъектности – содержание демократии

Подлинным содержанием демократии является передача субъектных функций гражданам как для развития их самостоятельности, так и для установления меры в соотношении различных видов субъектности - на уровне корпоративном и государственном, индивидуально-личностном и институциональном. Такое содержание присуще «демократии участия» (как это было в Афинах времен Перикла и в средневековых городах с их цехами ремесленников), а не современной формальной (представительской) демократии, отделяющей субъектные функции от «электората». В России народ расплывается все более из общества *соотечественников, объединенных духовно и нравственно*, на собрание *социальных атомов* (на «электорат») в целях манипуляции. Деньгодатели с помощью средств массовой информации и «имиджмейкеров» проталкивают своих кандидатов на различные должности методами рекламы так же, как это делается с товарами на рынке. Кандидаты в депутаты стали политическим товаром, а электорат – потребителем такого товара. Демократия выродилась в политический рынок со всеми его фальсификациями.

Негативными крайностями является абсолютизация субъектности или на уровне личности (*персоноцентризм*), корпораций (*корпоративизм*) или на уровне социальных институтов, будь то партия, церковь, государство (*социоцентризм*). В таких случаях происходит нарушение *социальной синергии, гармонии между мерами частей и целого*. В первом случае ставка делается на права человека, на формальную демократию. Набирают силы индивидуализм, атомизация общества, многообразие ценностей без их единства, рассогласованность воли и внешних дел. Распадается социальный ранг, субординация и координация социальных институтов. Формальная демократия таит в себе со времен Платона и Аристотеля анархию и тиранию.

Во втором случае (социоцентризм) ставка делается на иерархическую организацию, на внешнее единство без индивидуальной внутренней свободы.

Субъектные функции *монополизируются* тем или иным социальным институтом, а лица превращаются в исполнителей. Начинается всеохватная (тотальная, отсюда – *тоталитаризм*) регламентация мышления, поведения, потребления. Она ведет к прогрессирующему параличу инициативы и самостоятельности граждан. Их субъектные функции отмирают. Общество поляризуется на «субъекты» и «объекты», на «ведущих» и «ведомых», на «авангард» и на «массы». Но на пассивной массе далеко не уедешь. Авангард прибегает к традиционному приему: он взбадривает «массу» показным энтузиазмом – бравурными маршами, песнями, уверениями-заклинаниями о «самостоятельности масс», и об их свободной и радостной жизни. И чем дольше длится показатель энтузиазм, тем больше он разоблачает свою фальшь. Так общество движется к неизбежному кризису. Во всем этом характерно следующее. Граждане *сами отчуждают от себя свои субъектные функции* (право на самоопределение и выбор, на самостоятельность и нормотворчество) и передает их внешнему Гаранту, Инстанции, превращая ее в самодовлеющего Субъекта, а себя – в определяемый объект. Так как право на самоопределение незаметно сосредоточивается в одной Инстанции, то возникает *гипноз ее Авторитета, ее Культ*. Она наделяется некоей сверхъестественной способностью быть всегда Мудрой и Справедливой. Дело теперь представляется так, что Инстанция права не потому, что она решила истинно, а потому, что она – Инстанция, а значит и права!

Самостоятельность как основа развития субъектности

Творческие способности проявляются в умении разрешать реальные противоречия и тем самым обновлять схемы мышления и поведения, деятельности и общения. Самостоятельность формирует творческие способности потому, что она есть, свободная и самонаправленная деятельность, развивает самоопределение лиц и коллективов, необходимое для творческого акта, переводит самоопределение в объективно выраженный процесс; содействует глубинному общению, просторному для самореализации человека как субъекта. Самостоятельность – это фундаментальный культурно-антропологический атрибут, способ развертывания продуктивно-творческих сил и вместе с тем – основная категория в понимании *перспектив* именно человеческого развития.

Деятельность направлена на изменение внешнего предмета и может быть несвободной, вынужденной *внешними мотивами*. В самостоятельности доминирует *направленность субъекта на преобразование самих схем, способов деятельности*. Изменять же схемы собственной деятельности человек может при условии, если он выносит их во внешний план, ставит их перед собой, опредмечивает. Поскольку предметом самостоятельности являются способы человеческой же деятельности, то субъект *не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самостоятельности*. За внешним отношением к «другому» (предмету) он усматривает внутреннее отношение к самому себе, к *человеческим продуктивно-творческим силам*, которые запечатлены в предмете. «Человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него

человеческим предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным предметом*, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете» [10, с.121]. Поэтому «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо. Его глаз, его ухо и т.д. самоустремлены; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*» [10, с.160]. Будучи самонаправленной социальностью, субъект функционально различается в актах самостоятельности на субъект действия и на продукт действия; он противопоставляет себя (как *формируемый материал*) самому себе как *формирующей деятельностью*; одновременно он объемлет эти противоположности – процесс и результат. Соединяя в себе эти противоположности, он есть противоречие между деятельностью ставшей и становящейся, культурой наличной и возникающей, между «я» прошлым и «я» настоящим. В акте противопоставления отношение к другому (опредмеченной деятельности) подчинено отношению субъекта к самому себе.

В самостоятельности субъект устремлен на обновление творческих сил путем *выхода за границы уже достигнутого*, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань». Такое выходение осуществляется путем разрешения противоречия между репродуктивным и продуктивным. Это созидательное противоречие есть «локомотив» творчества, оно импульсирует субъекта к обновлению схем действия, общения и мышления, формирует индивидуальность, неравную себе самой, способную к новым вариантам самореализации. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу самостоятельность альтернативна косности и отчуждению; она – адекватная форма самореализации личности в творческом процессе разрешения назревших противоречий. У диалектики и самостоятельности общий девиз – «выход за пределы исходного пункта» к новым смысловым горизонтам в созидании *общинтересной новизны*. Субъект самостоятельности относится к своим личностным предметным воплощениям как основа к обоснованному, как причина к следствию и выступает как существо самообоснованное.

В самостоятельности происходит *практическое закрепление способности личности к самоопределению*. Эта способность – необходимая предпосылка творческого освоения реальности, как научно-теоретического, так и ценностного (мораль, искусство, религия). Мышление есть творческое моделирование внутренних отношений, которые восприятию не даны. Мыслить – значит связывать явления их внутренней связью. Связь между явлениями устанавливается «только самим субъектом» в «актах его самостоятельности» (6, с.165). В морали важно самоопределение и самоповеление, мораль основана на «автономии человеческого духа» [12, с.13]; иначе ответственность потеряла бы всякое основание. Самоопределение – атрибут и политической воли. Политика начинается с сознательного самоопределения в идеологии больших социальных групп; ее

особенность состоит в том, что такие группы стремятся возвести свою особенную волю во всеобщую – в закон для всех. Класс, не способный к идейному самоопределению и властному самоутверждению своей воли, есть еще объект, а не субъект исторического процесса. Свободное самоопределение составляет глубинную сущность эстетического освоения реальности. Если предмет воспринимается как сформировавшийся свободно, согласно своей мере, то он представляется прекрасным. Мысль о том, что человек производит по меркам любого вида, а значит, «и по законам красоты» [10, с.94], цитируется весьма часто, при этом не раскрывается связь между *мерой и красотой*. Связующим здесь является *свобода, свободное самоопределение*. Ведь формироваться согласно своей мере – значит определяться не извне, а изнутри, т.е. *самоопределяться*. Но не все прекрасно, что сформировано согласно своей мере. *Предмет воспринимается прекрасным только тогда, когда он пробуждает в нас состояние свободы, свободной игры наших духовных сил, провоцирует на такое субъективное состояние. Прекрасное есть чувственное изображение нашей свободы, ее сублимация и метафора*. Чувство красоты, отмечал Э.В. Ильенков, сопровождает «свободу воображения», когда, воображение рождает идеальную форму предмета, согласно его чистой мере [5, с.250-251]. Происходит *совпадение свободного самоопределения предмета и субъекта*. Наслаждение прекрасным возвышает потому, что оно состоит в *переживании свободы нашей души*; при этом свобода выражена в *образном виде, как нечто внешнее*, будь то музыкальная композиция, стих или балет. В форме красоты «переживается совпадение формы вещи с формой развитого восприятия, своеобразное чувство удовлетворения от подобного совпадения» [5, с.225]. Формой же «развитого восприятия» и является свободное самоопределение субъекта, который и в реальности схватывает подобный феномен. *Свободное самоопределение развивается в актах самодеятельности, освобождается от эмпирического содержания, превращается в устойчивую схему восприятия и становится индикатором красоты, прекрасного – эстетическим вкусом*. Бескорыстное свободное самоопределение есть *общая основа нравственности и художества, добра и красоты*. Так как самоопределение наиболее доступно дано каждому в нравственности («автономии человеческого духа»), то, возможно, эстетическое наиболее интенсивно раскрыто в борении человеческого духа, в нравственности. Возвышенное наиболее впечатляюще выражено величием характеров и дел героев. Безмерность природы, будь то звездное небо или океан, поражают воображение лишь на короткое время, тогда как великие деяния героев волнуют сердца и умы на протяжении столетий. И, наоборот, предмет воспринимается безобразным, если он воспринимается не как определенный согласно своей природе и мере, а как принявший чуждую себе форму, навязанную извне, вопреки своей мере. Такая деформация предмета извне передается субъекту восприятия и сковывает свободную игру наших духовных сил. Без развитой духовной свободы и свободного

самоопределения невозможны ни нравственность, ни высокое искусство, ни творчество прекрасных форм, ни молитвенный полет души.

Диалектика соревнования

Присущее самодеятельности выхождение за пределы уже достигнутого интенсивно выражается в отношениях между субъектами – в *соревновании*. Глубинным мотивом, побуждающим личность к свободной самореализации, является потребность утвердить себя в сознании других *достойным* образом. Ведь без признания статуса личности в общественном сознании, нет и статуса. Быть социально – значит быть признанным! Здесь то и возникает сущностное *противоречие*: все стремятся быть признанными достойным образом, но не все могут быть признанными первыми! Отсюда возникает соревнование. Абсолютной и имманентной формой, побуждающей людей *человеческим* образом к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, является соревнование по поводу *развития творческих потенций лиц и коллективов*. «Уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность» [13, с.337]. Соревнование – неистребимый момент общения потому, что люди – существа *общественные*. И мерой для оценки одного человека выступает другой. В соревновании люди практически, на деле сравнивают себя по своим способностям и умениям. Предметом и мерой оценки здесь выступают *человеческие* качества. Это – *имманентная, внутренняя для человека мера*, в отличие от *внешней*, например, стоимостной, когда отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами, и соревнование носит отчужденную (и часто враждебную) форму *конкуренции*. Соревнование есть стремление к *первенству* в делах общественно значимых. Но первенство доступно лишь малому кругу людей. Поэтому соревнование выступает всегда как *борьба за общественное признание* своей *социальной значимости*. Соревнование, отмечает С.Л. Березин, – «противоречивая форма развертывания фундаментальной потребности человека в самоутверждении, сущность которой состоит в устремленности личности к достижению общественной значимости в процессе реализации своих творческих сил» [15, с.78].

Соревнование *противоречиво*. В нем каждый идеально полагает себя *равным* с другим по возможностям. Иначе нет смысла вступать в него в виду заранее известной «победы» или поражения. Ведь пафос борьбы возникает лишь в состязании *с равным, себе достойным*. Но в то же время и в том же отношении каждый *практически* полагает себя *неравным* с другим, что выражается в стремлении *опередить себе равного*. Именно противоречие «в одном и том же отношении» есть источник саморазвития, в отличие от «противоречия» «в разных отношениях». Такое псевдопротиворечие напоминает, по остроумному замечанию Э.В. Ильенкова, драку, в которой дерущиеся машут кулаками в «разные» стороны. *Опережая себе равного, субъект тем самым опережает самого себя*, вступает в состязание с собой; он актуализирует в себе скрытые ресурсы и реализует скрытые возможности.

Так противоречие между соревнующимися превращается в противоречие субъекта с самим собой, импульсируя к саморазвитию. Сила характера проявляется в способности выдерживать такие созидательные противоречия и творчески разрешать. Соревнование достаточно гуманно по форме, чтобы не травмировать достоинство личности, но оно достаточно остро по накалу, чтобы побудить каждого к интенсивной самореализации способностей и умений. Престижным в нем являются важнейшие качества – воображение, новаторство, профессиональное мастерство, поэзия борения.

Соревнование пронизывает все виды общения – профессиональные и внепрофессиональные, экономические и политические. Наиболее прозрачно логика соревнования представлена в спорте. Выпускники вуза не ставят, конечно, цели вступать в какое-либо соревнование. Но к нему их побуждают *потребители услуг*. Если в кабинет одного врача очередь, а к соседу-колеге не идут пациенты, то происходит практическое сравнение качества услуг двух врачей, провоцирующее на соревнование. Вузы в России стремятся быть «конкурентоспособными» на рынке образовательных услуг. Отношения между субъектами хозяйствования, политическими партиями пронизано соревнованием. Соревнование есть такое противоречие, которое не разрешается окончательно, а принимает все новые формы. Противоречий, заметил Гегель, нет «только у трупа». Все живое, творческое является таковым постольку, поскольку оно «беременно» противоречием и приводит противоположности к гармонии.

Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся *оковами для самостоятельности* людей. Идеального общества достичь невозможно именно в силу отмеченного противоречия: *то, что было достижением как первенство, становится со временем доступным и для большинства, и соревнование начинается по новому кругу, точнее, по спирали*. И этому процессу *нет конца*. К. Маркс по этому поводу пишет: «На самом деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, ... чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютно движении становления» (9, с.476). Такое движение осуществляется как *обновление* людей путем обновления форм деятельности, общения и мышления и выражается адекватно в *диалектическом* мышлении. Ибо «сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида» [8, с.35].

Диалектика и этика

Процессы самостоятельного обновления социальных форм («инновационные процессы») записывают в головы людей диалектическое

мышление. Диалектика – адекватная форма разумного мышления и инновационного стиля жизни. Алгеброй же диалектического мышления является умение соединять противоположности *всеобщего, особенного и единичного в гармонию*. Чтобы разрешать противоречие между всеобщим и частным интересом, необходимо понять их общую основу, понять противоположности как выражения *одного и того же содержания, но в разных формах*. Так, труд и капитал представляются противоположностями. Однако капитал произведен от труда. Капитал есть «накопленный труд» и сам по себе не имеет иного субстрата. Поэтому противоречие между трудом и капиталом может успешно разрешаться только в пользу труда. Разрешение противоречий предполагает творческое предметное мышление, которое в самом предмете находит единую основу противоположностей и умело соединяет их. Однако само противоречие в принципе не разрешимо раз и навсегда. Новому поколению приходится самому находить временные, преходящие способы синтеза противоположностей. Разумное решение всегда исходит из целого, а не только из частей, из всеобщего содержания, а не из его особенных моментов. Разум же самым убедительным образом явлен *для каждого в нравственности*. Нельзя жить разумно, не живя нравственно, и нельзя жить нравственно, не живя разумно. Нравственность (совесть) всегда разумна, ибо она есть разум в его истинно человеческом выражении; совесть гармонично разрешает противоречия между «моим», «твоим» и «нашим». Ибо совесть исходит из *равноценности* достоинства каждого человека, не теряя точку зрения равенности за различиями людей в их в социальных положениях, национальной или религиозной принадлежности.

Значение субъектных качеств будет неуклонно возрастать по мере вытеснения *техногенной цивилизации антропогенными установками культуры*, и, соответственно, схемы буржуазного вещного производства «Д – Т – Д'» схемой расширенного воспроизводства продуктивно-творческих сил человека *«продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил»*. Субъектные качества лиц и коллектива, помноженные на корпоративную солидарность и служение Отечеству – важнейший потенциал развития и личности, и общего дела, и страны в целом.

Литература

1. Библер В.С. Мышление как творчество. М., 1975.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Соч.: в 14 т. М., 1959. Т. 4.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Соч.: В 14 т. М. – Л., 1935. Т. 8.
4. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984.
5. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968.
6. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3.
7. Любутин К.Н. Философия в современном мире // Двенадцать лекций по философии. Екатеринбург, 1996.
8. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. М., 1969.
9. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М., 1968.

10. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 42. М., 1974.
11. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2- изд. Т.3. М., 1955.
12. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.1. М., 1955.
13. Маркс К. Капитал. Т.1 // Маркс К. Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.23. 1962.
14. Панарин А.С. Политология. М., 2000.
15. Социалистическое соревнование в развитии личности. Алма-Ата, 1983.
16. Субъект действия, взаимодействия, познания: Психологические, философские, социокультурные аспекты. М. – Воронеж, 2001.
17. Энгельс Ф. наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.1. М., 1955.

К.А. ИГИШЕВ

ПОНЯТИЕ ЛОББИ В РАМКАХ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Правовая культура – качественно особое правовое состояние личности, общества, государства в целом. Правовая культура общества – разновидность общественной культуры, отражающей определенный уровень правосознания и законности, она является условием обеспечения свободы и безопасности личности, прав человека, гарантом его правовой защищенности и гражданской активности. Правовая культура личности обуславливает позитивное правовое сознание в действии, совершенствует личность, благодаря ее воздействию происходит личностно-правовой прогресс, в результате которого уровень правосознания и правового поведения постоянно совершенствуется и растет. По правовой культурой государства подразумевается культура правотворчества и законотворчества, уровень совершенствования законодательства и юридической практики. Это понятие так же включает в себя деятельность органов государственной власти и в частности органов законодательной власти на федеральном и на региональном уровнях.

Органы государственной законодательной власти, принимая то или иное законное решение (например, Федеральный закон), по смыслу их деятельности осуществляют культурную деятельность по государственному строительству. Несомненно, в правовом государстве эта деятельность должна быть полностью прозрачной и доступной для контроля каждому субъекту этого государства. Но не секрет и то, что принятие законов окутано массивом непрозрачных махинаций, коррупцией и тайной для непосвященных в процесс принятия того или иного решения или закона. И здесь важно остановиться на таком политико-правовом явлении как лоббизм или